

Предисловие,
*необходимое для понимания принципов,
руководивших автором
при написании сего сочинения*

По невежеству либо по малодушию никто из авторов, посвятивших свое перо истории царствования Карла VI, не показал его жену Изабеллу Баварскую такой, какой она была на самом деле. Не многие эпохи правления вызывали столь неподдельный интерес, мало в какие эпохи совершалось столь великое множество преступлений, а потому мы решили разоблачить сии преступления и разъяснить причины, побудившие Изабеллу совершать зло, оскорблявшее время, в коем она жила. Если бы мы ставили задачей выразить наше возмущение тем временем, мы бы, не углубляясь и не проверяя, что пишут нынешние историки, просто повторили бы всё, что говорят они.

Наука обогащает наши познания, а раз научные изыскания приводят нас к новым открытиям, значит, история также вправе надеяться, что со временем мы отыщем еще больше фактов, легших в основу исторического повествования.

Нас учат: те, кто писал в ту далекую эпоху, видели все собственными глазами и, следовательно, им надобно доверять. Возможно, наше мнение покажется кому-то парадоксальным, но мы утверждаем: именно те, кто видел все сам, менее всего достойны доверия;

авторитет их велик в глазах непросвещенных, мы же не склонны верить им вовсе.

Тот, кто с нами не согласен, вряд ли задумывался над тем, отчего ошибается чаще всего не историк, а очевидец событий. У очевидцев больше всего оснований скрывать истинную подоплеку событий, о которых они повествуют, ибо они рассказывают о добродетелях, царивших в эпоху, породившую их самих, а значит, им приходится отдавать дань лести, равно как и остерегаться разоблачать преступления правителей, ибо правители эти здравствуют и процветают.

Следовательно, нельзя написать достойный рассказ о каком-либо событии, ежели ты видел его собственными глазами?

Нет, мы этого не утверждаем, а всего лишь хотим уточнить: когда пишешь историю, нельзя идти на поводу собственных страстей, предубеждений и пристрастий, но, когда ты сталкиваешься непосредственно с событиями, избежать либо одного, либо другого совершенно невозможно. Мы сами так полагаем и хотим убедить других, что для беспристрастного рассказа о каком-либо событии надобно отдалиться от него, иначе говоря, подождать, когда оно станет достоянием прошлого, дабы обезопасить себя от лжи, порожденной страхом или надеждой, желанием понравиться или боязнию навредить. Автор, воссоздающий историю государства в тот период, когда он сам жил в нем, лишен той основы для повествования, кою дают нам правдоподобие и предположения, равно как и материалов, осмотрительно спрятанных от глаз современников и попадающих в руки историка только тогда, когда причин прятать их и далее уже не существует, — словом, автор-со-

временник лишен множества источников, откуда он в состоянии черпать факты для своего рассказа.

Поэтому, не претендуя на парадоксальность наших утверждений, мы продолжаем настаивать, что история любого столетия будет написана лучше век спустя после того, как события свершились, нежели тогда, когда ты сам являешься свидетелем сих событий.

И еще одна истина: если для написания романа требуются богатое воображение и жар души, то описывать историю можно, только вооружившись спокойствием и хладнокровием, ибо обязанности сочиняющих романы и пишущих историю отличаются чрезвычайно! Романист обязан рисовать людей такими, какими они могли быть; историк же должен представить их нам такими, какие они есть; романист, ежели говорить по строгости, избавлен от необходимости описывать преступления; историк же обязан изображать их, ибо они характеризуют его персонажей; историк должен рассказывать, ничего не придумывая, в то время как романист, согласно желанию своему, вправе писать только то, что он выдумал.

И разумеется, подобные различия порождают разницу в побуждениях, заставляющих и авторов, и историков братья за перо; несходство сие, как видится нам, заключается в том, что писатель вкладывает в сочинительство весь свой пыл, всю свою энергию, ибо он пишет, повинувшись исключительно велению собственного воображения, в то время как историк, излагающий нам случившиеся когда-то события, обязан вложить в труд свой все, что он знает и о чем размышлял, а потому рассказчик-историк обязан прежде всего хорошо знать события, о которых он

повествует, ему следует постоянно углублять свои знания, анализировать их, соединять их так, чтобы одно вытекало из другого, использовать самые невероятные совпадения для выявления истины и восстанавливать связи там, где факты известны ему только наполовину, а иногда и неизвестны вовсе, несмотря на все его усердные труды по их отысканию.

Но ведь так же пишется и роман, скажут те, кого слова наши не убедили. И будут не правы, ибо историк восполняет утраченные факты с помощью правдоподобия, тогда как романист соединяет их силой своего воображения. А то, что диктует правдоподобие, нисколько не является плодом воображения; работа писателя является результатом не заблуждения ума, а осмысления вероятностей, и ее отличие от работы историка огромно.

Не страшась обвинений в повторении, скажем вновь: исторические факты должны пройти проверку тьмой веков. Ибо в день свершения своего они никогда не предстанут в верном свете; тот, кто пишет историю того века, в котором он живет, непременно обладает либо добродетелями, либо пороками своего времени, а потому невольно рассказывает нам историю собственного сердца, поданную под видом истории своих героев; ведь очевидец рисует персонажей либо такими, какими хотел бы их увидеть, либо такими, какими он опасался, что они станут; и в любом случае он оказывается пристрастным. Тому, что написано спустя много времени после случившихся событий, мы доверяем больше: остывшие подо льдами веков, факты приобретают зрелость и полноту созревшего плода. Ведь сегодня мы иначе смотрим на мерзости и преступления, совершенные Тибериями и Неронами, нежели смотрели на них те, кого осо-

бые причины побуждали представлять этих людей исключительно черными красками. Тацит, возвышенный Веспасианом, без сомнения, вынужден был льстить императору, выставя напоказ его добродетели и сравнивая их с жестокостями тех, кто правил до него. Обязанный говорить своему покровителю: смотрите, сколь велики вы по сравнению с вашими предшественниками, — разве он не чернил сих предшественников еще больше, дабы нынешний правитель предстал еще более возвышенным и благородным?

По тем же причинам Светоний повинен в тех же ошибках. А подвиги Александра и Тамерлана, подвиги Карла XII, относящиеся к временам уже более нам близким, а августейший век Людовика XIV? Разве они ослепляют нас так же, как и в былые времена?.. Мы уже смотрим на них иначе!

Но, возразите вы, придет время, и такое же скажут про вас... Нет, ибо мы упрекаем этих историков единственно в том, что они написали свою историю на основании тех событий, коими сами были свидетелями, в то время как мы излагаем факты, нами же и обнаруженные, а жившие в те времена не только о них не знали, но и не могли знать.

Эпоха пишет — потомки судят; если же потомкам тоже захочется написать, они будут гораздо более правы в своем желании, нежели современники. Ибо, избавившись от личного интереса, потомки сумеют взвесить факты на весах истины, тогда как современники излагают нам сии факты, увиденные через призму их собственных страстей.

Однако пришло время заняться фактами. Царствование Карла VI является одним из наиболее любопытных и одновременно наиболее темных перио-

дов нашей истории; так как историки пренебрегают им давно и упорно, в нем неясно все: не выявлено ни связей, ни причин тогдашних событий, видна лишь работа механизма, однако чьи руки этот механизм запустили — никто выяснить не удосужился. По причине небрежности, на которую нам бы хотелось обратить внимание, тогдашние события начинают постепенно превращаться в легенду, сложенную о необычном правлении и правительнице, и интерес к этому периоду истории теряется, хотя, на наш взгляд, она, напротив, должна была бы его вызывать. Тысячи инвектив летели в сторону Изабеллы, но никто не взял на себя труд объяснить нам, каким образом эта необыкновенная женщина заслужила их. То небольшое, что мы о ней знаем, заставляет нас порой смотреть на нее как на персонаж второстепенный, в то время как в истории того времени она играет первую роль. Некоторые довольствуются тем, что оскорбляют ее и обвиняют во многих злодеяниях: в кровосмешении, безнравственности, измене супругу, ненависти к собственному сыну, мстительности, отравлениях, убийстве собственных детей и т.д. и т.п., однако доказательств никаких не приводят. Те, кто описывал ту эпоху, напоминают нам стадо баранов, идущих за своим вожаком: они излагали то, что узнали у других, старательно списывая у современников искомым событий их воспоминания, не являющиеся ни верными, ни полными. Документы у современников отсутствовали, ибо их тщательно скрывали от взоров непосвященных; в дальнейшем же историки решили, что гораздо проще переписать мемуары, нежели наводить справки в архивах; поэтому у нас от этого царства и создается очень странное впечатление, словно мы

видим перед собой слабую копию с подпорченного оригинала.

Наконец все решили, что уже все сказано, в то время как истина, кою мы всегда ищем в истории, даже не показалась. Следовало докопаться до сей грозной истины, копнув глубже, чем делали это до нас, а так как мы имели перед глазами нашими документы, коих не было у других, мы решили добраться до сей вожделенной истины. Случай, а также несколько путешествий и литературный интерес предоставили в наше распоряжение протоколы допросов Буа-Бурдона, фаворита Изабеллы; приговоренный к смерти Карлом VI, он под пыткой рассказал о том, какое участие принимала Изабелла в преступлениях, совершенных за время царствования Карла. Материалы эти, равно как и завещание убитого в Монтеро герцога Бургундского, послужили нам источником фактов для нашего труда; к несчастью, документы сии, в том числе и завещание герцога, отданное на хранение в картезианскую обитель в Дижоне, где в часовне похоронены члены Бургундского дома, уничтожили безмозглые вандалы XVIII столетия, разрушившие даже старинные мраморные гробницы, фрагменты которых еще можно видеть в музее в Дижоне; пергаменты же сгорели.

Использовали мы также и иные, столь же подлинные документы, приходящие на помощь рассказчикам, повествующим о той эпохе; прибегая к данным источникам, мы станем извещать вас об этом.

Страстно желая отыскать истину везде, где бы она ни скрывалась, мы объединили наше стремление к истине с деликатной попыткой снять — ежели таковое возможно — обвинения с такой женщины, как Изабелла, примечательной как достоинствами, ко-

ими одарила ее природа, так и остротой ума и высоким положением; мы хотели попытаться по мере возможности снять с нее вину и постыдные упреки, ей адресованные, обнаружив исполнителями преступлений, ей приписанных, исключительно доносчиков. Тяжкая сия задача была бы весьма славной, если бы усилия наши увенчались успехом; однако, собрав многие доказательства, кои мы обнаруживали каждодневно, мы могли только сочувствовать Изабелле, ибо истина — а мы намереваемся придерживаться только ее — такова, что с полным основанием следует заявить: в то ужасное царствование, когда она не принимала участия, не пролилось ни единой капли крови, не совершилось ни единого преступления; каждое злодеяние она либо задумывала, либо устраивала его исполнение.

Только историкам обязаны мы непростительными заблуждениями, ибо, как мы уже сказали, они показали нам механизм и движение его, но не раскрыли, кто приводил механизм в движение. Тем, кто двигал за кулисами рычаги, являлась Изабелла: мы усмотрели тому доказательства в уже упомянутых нами документах; следуют они также и из бесспорной связи фактов, цепь которых в указанных нами записях иногда прерывается, однако восстанавливается за счет логического осмысления и мудрого рассуждения, ведущего к правдоподобию; известно, что истинное не всегда правдоподобно, но очень редко случается, чтобы правдоподобное не оказалось бы истинным. Поэтому за неимением истины дозволяется следовать правдоподобию, хотя и с осторожностью; и нам об этом известно. Действуя с осторожностью, мы исходили из правдоподобия лишь в том единственном случае, когда не

предоставлялось совершенно никакой возможности иного хода вещей, ибо события, происходившие ранее, также шли в том направлении, каковое указали мы; события, нами рассмотренные, вытекали из событий предыдущих, а потому имели сходную тенденцию развития.

Увы! Сколько истин, на коих покоятся сами основы счастья нашего, являются всего лишь правдоподобными! Так вот, если правдоподобие, не имея титула истины, получает наше одобрение в самых главных областях жизни, то почему бы ему не иметь прав, когда речь заходит всего лишь о фактах, пригодных исключительно для нашего образования?

Много препятствий встретили мы на пути, пока создавали наш труд; мы постоянно пребывали в страхе, как бы не сказать лишнего или, наоборот, не позабыть сказать о необходимом; состояние беспокойства переносилось нами весьма и весьма тяжело. Сами того не желая, мы наталкивались на подводные рифы, равно как одерживали неожиданные победы; мы желали побудить других разделить с нами удивление, испытанное при раскрытии потаенных интриг, а также привлечь внимание тех, кто просто не удостоился заметить труд наш... Как другие дерзают писать историю с непростительным небрежением? Как можно пренебрежительно относиться к своей репутации? Как люди эти не боятся обманывать всех остальных?

К примеру, какими ничтожными познаниями следует обладать, чтобы не уловить причин интриги королевы с герцогом Бургундским, начавшейся в тот миг, когда порвались узы, связывавшие ее с герцогом Орлеанским? Как?! Государи мои историки, на протяжении ста страниц Изабелла предстает у вас самым

пылким другом герцога Бургундского; дружба их завязывается в тот день, когда она потеряла Орлеана; все правильно, но отчего не называете вы ни причины этой новой связи Изабеллы, ни последствия ее? Вынужденный брести следом за вами, несчастный читатель делает огромные усилия, пытаясь отделить истину, кою вы не имели мужества ему сказать, от истины, продиктованной здравым смыслом и подтвержденной правдоподобием, а ведь вы могли бы вывести его из дебрей, не нуждаясь даже в доказательствах, приводимых нами... И вы называете это «писать историю»?.. Жанр исторической литературы священен: именно на основании сочинений сего жанра последующие поколения составляют свои суждения о прошлом, вы же осмеливаетесь писать историю с непостижимой ленью!.. Давайте признаем: такое поведение позорит писателя и наносит вред читателю, готовому открыть вашу книжку и поверить вам; вы быстро его обманываете, и он, читая вас, не подозревает о том, что вы вводите его в заблуждение.

Прежде чем завершить наше отступление от темы, нам, возможно, следует принести извинения за то, что мы позволили себе облечь повествование наше в форму романа, хотя в труде нашем, предназначенном для вашего прочтения, мы излагаем только факты. Наверняка, обнаружив добавленные нами детали, нас обвинят в том, что мы сочиняем роман, обвинят те, кто никогда не верил тому, что говорили наши отцы, а то, что говорят дети этих отцов — отцов, часто излишне легковых, — считают и вовсе невероятным...

А если же найдутся те, кто предъявит нам сии упреки, мы намерены ответить, дабы к ним более не возвращаться.

История, представленная нами, никоим образом не является вымыслом, ибо она написана на основании подлинных свидетельств и фактов, которые до нас еще никто не приводил.

Если же мы в повествовании нашем и позволили себе несколько романских ходов, то лишь потому, что посчитали возможным употребить их в такой особенной истории, как эта, ибо мудрое и нечастое использование романских приемов лишь подогреет интерес к персонажам нашей кровавой драмы и приблизит их к нам, но, главное, отдавая предпочтение диалогу перед повествованием, мы стремимся сделать разговоры персонажей наших еще более выразительными. А посему если мы и допустили некоторую вольность, употребив диалог, то по крайней мере с нами нельзя не согласиться, что мы им не злоупотребляли, ибо чувствовали, что слишком частый диалог, несомненно, послужит в ущерб достойной манере писать историю. Дабы побудить читателя лучше узнать Изабеллу, нам пришлось заставить ее говорить, ибо, когда герой говорит, он становится для нас более близким, нежели когда мы просто и беспристрастно пишем о нем. Покажите мне хотя бы одного писателя, как стародавнего, так и современного, который бы не сочинял выпретенных речей, не вкладывал их в уста своих героев? Какую силу придают такие речи истинности фактов! Неужели фразе, слетевшей с уст самого Генриха IV: «Французы, вперед, за этим белым султаном, и он приведет вас к славе!» — читатель предпочтет рассказ — пусть даже наилучшего — историка, уверяющего нас, что, по словам этого доброго короля, французам надлежало следовать за его султаном, дабы одержать победу в битве?